

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый – многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй – активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) – воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника – дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants – friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR – Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
<i>Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие</i>	30
<i>С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам</i>	35
<i>Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью...</i>	38
<i>Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея</i>	41
<i>С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской</i>	45
<i>А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской</i>	47
<i>Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла...</i>	51
<i>А. О. Машезерская. Архив возможных отношений</i>	56
<i>А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО</i>	58
<i>Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции</i>	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
<i>Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)</i>	69
<i>К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников</i>	79
<i>М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы</i>	86
<i>А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода</i>	96
<i>М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага</i>	104
<i>М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии</i>	113
<i>С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)</i>	117
<i>В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы</i>	120
<i>С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины</i>	128
<i>С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника</i>	132
<i>Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокэльской культуры Катлыг 5 в Туве</i>	140
<i>П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве</i>	145

<i>Б. Б. Овчинникова.</i> Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы	149
<i>Г. Г. Король.</i> Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской	156
<i>В. А. Завьялов.</i> От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)	163
<i>В. И. Распопова.</i> Войлок и мех в живописи Пенджикента	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский.</i> Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов.</i> О роли фотографии в изучении истории археологии	185
<i>Е. В. Бархатова.</i> Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина.</i> «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва.</i> Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири	205
<i>Е. Ю. Захарова.</i> Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле	212
<i>В. А. Алёшкин.</i> Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков.</i> Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву	227
<i>А. Е. Мусин.</i> Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге	240
<i>Н. Д. Моисеева.</i> Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма	264
<i>В. Н. Седых.</i> Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)	270
<i>С. В. Белецкий.</i> Неизвестные фотографии Пскова 1946 года	280
<i>Н. И. Платонова.</i> Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)	285
<i>О. М. Мельникова.</i> Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)	294
<i>В. С. Соболев.</i> «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.	300
<i>В. А. Прищепова.</i> Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.	303
<i>А. Н. Бессуднов.</i> Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage</i>	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyuu-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva	149
<i>G. G. Korol.</i> The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya	156
<i>V. A. Zav'yalov.</i> From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)	163
<i>V. I. Raspopova.</i> Felt and fur in the paintings of Panjakent	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy.</i> Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov.</i> Role of photography in studies of the history of archaeology	185
<i>E. V. Barkhatova.</i> Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina.</i> "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...". A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova.</i> Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia	205
<i>E. Yu. Zakharova.</i> Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland	212
<i>V. A. Alyokshin.</i> Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov.</i> Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev	227
<i>A. E. Musin.</i> The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg	240
<i>N. D. Moiseeva.</i> Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards	264
<i>V. N. Sedykh.</i> A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)	270
<i>S. V. Beletskiy.</i> Unknown photographs of Pskov of 1946	280
<i>N. I. Platonova.</i> Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)	285
<i>O. M. Mel'nikova.</i> North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)	294
<i>V. S. Sobolev.</i> 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstammer. 1776–1783	300
<i>V. A. Prishchepova.</i> Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s	303
<i>A. N. Bessudnov.</i> Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

О. М. Мельникова¹

Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)²

Ключевые слова: Северо-Восточный археологический и этнографический институт, Казань, региональная археология, этнография, история, археологическое образование, профессиональная археологическая наука, повседневность.

Keywords: North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute, Kazan, regional archaeology, ethnography, history, archaeological education, professional archaeological science, everyday life.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-294-299

История российской археологии постоянно приращивает новыми предметными областями, открывающими новые возможности изучения опыта творческой и профессиональной деятельности сообщества археологов. Во многом это связано с тем, что каждое поколение археологов ставит перед прошлым вопросы, «которые неизбежно отражают интересы, проблемы и тревоги этого поколения» (Репина, 2011. С. 31). В условиях постоянного реформирования российской науки и образования актуальным является изучение «событий и фигур памяти», которые, с одной стороны, «способствуют пониманию специфики изменений, происходящих на том или ином этапе развития социокультурного ландшафта исторической науки» (Корзун, 2011. С. 295), с другой — позволяют осмыслить современные трансформации в науке.

Одной из таких «фигур памяти» в истории российской археологии является на долгие годы незаслуженно забытый Северо-Восточный археологический и этнографический институт (СВАИЭИ), учрежденный в Казани в 4 октября 1917 г. по инициативе профессора по кафедре истории русского права Казанского университета С. П. Покровского для подготовки историков, археологов, этнографов. Институт был ликвидирован в июле 1921 г. по постановлению СНК ТАССР от 15 декабря 1920 г.

Просуществовав немногим более трех лет, СВАИЭИ стал важным опытом самоорганизации научного сообщества в деле создания профессиональных основ археологических, этнографических, археографических, исторических исследований не только в ТАССР, но и в финно-угорских регионах Прикамья и Поволжья. Его история до недавнего времени в этом контексте практически не исследовалась. В момент создания СВАИЭИ появились статьи одного из организаторов института М. В. Бречкевича, посвященные краткой характеристике его деятельности (Бречкевич, 1919. С. 81–87; 1920. С. 1–6). Имеются упоминания о функционировании института в системе научных организаций Прикамья (Оконникова, 2002. С. 96). Специально исследовалась деятельность этнографического отделения СВАИЭИ (Леонтьева, 1978. С. 63–62).

В 2015 г. изучение деятельности СВАИЭИ в деле подготовки профессиональных археологов было начато московскими исследователями С. В. Кузьминых и А. С. Смирновым (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 214–240). Изучена роль СВАИЭИ в изучении истории, археологии и этнографии финно-угорских народов Прикамья и Поволжья и подготовки для них научных кадров (Мельникова, 2015. С. 88–98; Мельникова, Романова, 2015. С. 144–151).

Дальнейшие архивные изыскания в фондах НАРТ (Ф. Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт, 265 ед. хр.) и ОРПК НБ КФУ (д. 2488. Северо-Восточный археологический институт (разные бумаги)); д. 6451. Северо-Восточный археологический и этнографический институт (финансовые документы за 1921 г.)) позволяют дополнить новыми фактами уже проведенные изыскания и внести уточнения в историю работы археологического отделения СВАИЭИ.

¹ 426004, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1. Удмуртский государственный университет. Кафедра истории Удмуртии, археологии и этнологии. Адрес электронной почты: superlvovich2012@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 14-18-03573 «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

Исходной предпосылкой современной истории науки является «осознание непрерывной связи между историей самих идей и концепций, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности — с другой» (Репина, 2011. С. 24–25). Это важно и для истории археологии.

СВАИЭИ возник и начал работать в один из самых драматичных периодов российской истории. Задуманный еще в 1916 г., в период Первой мировой войны, институт смог устоять в годы революционных событий и Гражданской войны, но на излете бурных потрясений прекратил свое существование: в 1920 г. СВАИЭИ был преобразован в Восточную академию, позднее вошедшую в состав Восточного педагогического института. Постоянная борьба за существование САИЭИ на фоне сложной общественно-политической ситуации в стране отвлекала его сотрудников от созидательной деятельности (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 229).

Тем не менее весьма интересен опыт организации учебного процесса в этой новой для региона институции. Первоначально предполагалось, что институт будет по аналогии с Московским и Петербургским носить название археологического института. В протоколе заседания совета института от 26 сентября 1917 г. указывалось: «Открытие Северо-Восточного Археологического положено 4 октября, однако приём слушателей решено продолжить до 15 октября. В день открытия Института его учредитель С. П. Покровский будет произносить речь. Кроме того постановлено просить П. А. Пономарева (известного казанского археолога. — О. М.) о составлении и произнесении им соответствующей речи на торжествах открытия Института» (ОРРК НБ КФУ, ф. 2488, л. 97). В этом решении однозначно проявилась тенденция к тому, чтобы институт ориентировался на модель Московского археологического института, с руководителями которого непосредственно общался учредитель СВАИЭИ (Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 217–218).

Многонациональный состав региона потребовал внести в название института термин «этнографический», что соответствовало не только актуальной научной проблематике, исходившей из многонационального состава региона, но также было поддержано объективными процессами национального строительства, начавшегося в крае в первые советские годы. Не случайно еще в ходатайстве Казанской земской управы об открытии в СВАИЭИ указывалось: «Местный край издавна населен несколькими национальностями, которые, вступив в прочные, неразрывные соседские отношения, сообща работают над поднятием произво-

дительных сил страны, над своим собственным образованием. Однако для местных культурных работников знание условий местного края является, безусловно, необходимым. Где бы в крае ни работал культурный деятель, знание местной культурной, исторической и национально культурной среды является, безусловно, необходимым — оно могло бы уберечь от многих невольных ошибок. Изучение края со всеми его историческими, культурными, этнографическими особенностями доселе было в зачаточном состоянии. Для науки открыто теперь богатое поприще, и среди местных уроженцев есть немало таких, которые хотят всесторонне изучать родной край, богатую поэзию и искусство, изучать его прошлое. Много культурных сокровищ, письменных свидетельств, многочисленных и разнообразных памятников вещественных (происхождения мусульманского, русского, чувашского, марийского и т. д.) погибает, песни и мотивы забываются. Чтобы этого более не случилось, необходимы сведущие, образованные исследователи и собиратели. Каждая местная национальность нуждается в таких работниках, которые происходили бы из ее среды. Но такие работники должны знать и культуру соседних национальностей, ибо это знание предохраняет от односторонних увлечений и располагает к трезвой практической деятельности. Наука не может быть замкнута в каких-либо территориальных пределах, она должна их свободно переходить, сравнивать и давать плодотворные результаты» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 8, л. 2, 2 об.).

Эти социальные задачи определили цель деятельности СВАИЭИ: «археологические исследования Северо-Востока России и Сибири путем подготовки специалистов, способных разбираться в местных древностях, этнографии и архивах и объединения в своем составе всех содействующих изучению древностей Северо-Востока России. Т. о. задача института — дать высшее образование студенчеству на основе изучения родного края, его прошлого и настоящего, национальные особенности и отношения» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 4, л. 1).

В Институте имелось четыре отделения: археографическое, археологическое, этнографическое и восточное. Последнее открыто 26 мая 1919 г. Сроки обучения в СВАИЭИ были разными для разных отделений. На археологическом и археографическом отделениях срок обучения предполагался три года, на этнографическом — четыре. Обучение в СВАИЭИ было платным. В правилах оплаты указывалось, что плата за семестр равна 40 рублям. Ее могли вносить не только сами обучающиеся, но и организации и учреждения. Так, губернская земская управа сообщала в СВАИЭИ о том, что в 1918 г. ею будет внесена плата за слушание лек-

ций в первом полугодии за слушателя Н. И. Савельевич (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 4, л. 1).

Набор студентов осуществлялся на основе личного заявления на имя ректора. Оно писалось в произвольной форме и нередко носило формальный характер. Так, Паулина Гельман писала в сентябре 1919 г.: «Прошу принять меня в качестве слушательницы вверенных Вам курсов. Право выбора отделения прошу разрешить мне по поступлении. Аттестат об окончании гимназии и метрическое свидетельство находятся на курсах Лохвицкой-Скалоп в Петрограде. Копии об окончании гимназии 8 классов Митавской женской гимназии предъявлены сейчас по получении ее из московского продовольственного отдела. Прилагаю при сем две фотографии-карточки и копию вида на жительство, выданного Казанским Управлением милиции за № 19138. Копия свидетельства на жительство (право на свободное проживание во всех городах и селения Федеративной Республики впредь до получения нового письменного вида на жительство). Казань, 19 сентября 1919 г.» (НАРТ, ф. 1339, д. 2, л. 1, 2).

Встречаются и неформальные тексты: «Заявление на имя ректора Академии Восточных наук учительницы Котегуртского училища Н. Е. Поздеевой. Прошение. Имея страстное желание продолжить свое образование, прошу зачислить в числе студентов вверенной вам академии. 12 июня 1921 года. Нина Поздеева» (НАРТ, ф. 1339, д. 31, л. 16). Брат известного археолога М. Г. Худякова (одновременно, кстати, и преподававшего и обучавшегося в СВАИЭИ) Иван писал: «Желая продолжить свое образование, имею честь просить Вас зачислить в число студентов 1 курса археологического отделения вверенного вам института. При сем прилагаю выписку из личной карточки, засвидетельствованную начальником Малмыжской уездной милиции 31 июля 1921 года. Год моего рождения 1902 г., по мобилизации не призван. Лаборант Малмыжского музея местного края Иван Худяков. Казань июня 1921 года» (НАРТ, ф. 1339, д. 31, л. 31).

Проблема образовательного ценза для будущих студентов была одной из обсуждаемых тем на заседаниях совета института. Так, 7 октября 1917 г. на заседании совета СВАИЭ М. В. Бречкевич настаивал на том, чтобы к вопросу о приеме в институт относиться с особенной осторожностью: «Если Совет Института намеревается возбудить ходатайство о предоставлении прав оканчивающих Институт, то, несомненно, будет играть очень важную роль то обстоятельство, с каким цензом принимать слушателей. И если это ценз средних учебных заведений, то, значит, принимая в институт не-

которых лиц из учительских семинарий и других учебных заведений (без права средних учебных заведений), мы слушателям ставим препятствия в делах исходатайствования прав при окончании института» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 41).

Базовое образование студентов было разным: нижегородская гимназия, гимназия для взрослых Союза мелких народностей, реальное училище, факультет восточных языков и юридический факультет Казанского университета, казанские миссионерские курсы, филологический факультет Армянского института в Москве, казанские женские курсы, духовные семинарии и академии, учительская школа, медресе, чувашско-симбирская учительская школа, родионовский институт в Казани, политехнический институт, фельдшерская школа. Среди них были представители различных национальностей, мужчины и женщины и даже иностранные подданные (например, Лука Филиппович — австрийский подданный — предоставил удостоверение от Австро-Венгерской миссии для пленных о том, что как гражданский пленный находится под покровительством и защитой Австро-Венгерской миссии) (НАРТ, ф. 1339, л. 25, л. 12).

В численном отношении количество студентов на археологическом отделении в 1917–1918 учебном году составляло на 1 курсе: 13 мужчин и 3 женщины; 2 курсе — 4 мужчин, 6 женщин; на 3 курсе — 12 мужчин и 6 женщин (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 4). В 1920 г. археологическое отделение окончило 15 человек, при этом была возможность обучаться одновременно на нескольких отделениях (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 11).

Студенты имели определенные права по управлению СВАИЭИ — в совете института были представители от студенчества.

Учебный план археологического отделения был весьма насыщенным. Так, на 1918–1919 учебный год он включал следующие дисциплины: история древнего периода, история русского языка, антропология, география, введение в общее языкознание, юридические древности, русская история, история политических учений, история русского искусства, первобытная археология, общая этнография, русская палеография, история древнерусской культуры, мусульмановедение, арабский язык, финские (или турецкие) народы, история Поволжья, введение в финно-угорское языкознание, геология, введение в тюрко-татарское языкознание, история международных отношений, христианская археология, греко-римская археология, тюрко-монгольские древности, финно-угорские древности, славянские древности, палеография Востока, история

искусства, история русской церкви, история просвещения России, историческая география, мусульманское искусство, нумизматика, сфрагистика, хронология, метрология (НАРТ, ф. 1339, д. 8, л. 4).

Преподавание археологических дисциплин строилось с расчетом на участие в образовательном процессе В. А. Городцова, которое в силу разных обстоятельств не было осуществлено. Попытки привлечь к обучению археологии П. П. Ефименко и А. М. Тальгрена также не увенчались успехом (*Кузьминых, Смирнов, 2015. С. 220*), поэтому обучение археологии велось силами казанских исследователей Н. Ф. Высоцкого, П. А. Пономарева и М. Г. Худякова (Там же. С. 220–225).

Оплата труда профессоров и преподавателей зависела от категории, к которой были отнесены все преподававшие в институте: профессора получали 2400 рублей при условии 6 часов лекций в неделю (ОРРК НБ КФУ, ф. 2488, л. 146). Преподаватели набирались в институт по конкурсу: так, летом 1919 г. Советом СВАИЭИ был объявлен Всероссийский конкурс на вакантную профессуру по первобытной археологии. Претенденты должны были подать заявления об участии в конкурсе, ученые труды, сведения о научной деятельности и рекомендации специалистов на имя совета института до 15 августа 1919 г. (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 1, л. 1).

В археологическом направлении важно указать два обстоятельства в подготовке кадров: с одной стороны, учитывались потребности в изучении археологии многонационального региона, с другой — его руководители понимали, что она не может развиваться без знания западноевропейской науки. «Именно эта последняя служит критерием местных изучений. Не могут, например, местная археология, хронология, география, этнография, древности, языковедение быть изучаемы без знакомства с первобытной археологией, западноевропейской хронологией, общим землеведением, общей этнографией, славянской этнографией и древностями. План наук в виду особой связи наук археологических и этнографических, что особенно обнаруживается при изучении местного края (археолог должен быть знаком и с этнографией и с востоковедением, этнографу невозможно работать без востоковедения и т. д.) — построен таким образом, что одни курсы являются общими для двух-трех» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 8, л. 5).

На учебный процесс наложили отпечаток бурные события эпохи, в которой суждено было функционировать СВАИЭИ, хотя знакомство с протоколами заседаний совета института показывает, что их участники

удивительным образом обходят эту тематику. Лишь изредка вскользь проявляет себя историческая эпоха. В сентябре 1918 г. исполнявший обязанности директора М. В. Бречкевич докладывал на совете: «Выяснилось, что мебели для оборудования Северо-Восточного Института явно недостаточно и очень трудно будет начинать занятия в институте, ибо купить стулья и другую мебель при СТРАШНОЙ дороговизне ее в настоящее время недоступно институту, в виду того, что ассигнования второй половины субсидии от правительства в 25 тыс. институт ещё не получил» (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 25, л. 80).

В том же 1918 г. обсуждался вопрос о времени проведения занятий. М. В. Бречкевич указывал, что ввиду осадного положения, запрещающего выход на улицу после 9 часов вечера, необходимо переместить часть лекций на утро. Кравченко заявлял, что некоторые преподаватели будут по утрам перегружены занятиями в университете и других учреждениях, а поэтому нельзя менять их на утренние. Многие служат и учатся весь день до 3 часов, не могут являться на лекции раньше 3 часов. В итоге было принято решение проводить занятия с 4 до 8 часов вечера (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 81, 81 об.). В октябре 1919 г. по распоряжению директора лекции были сокращены до 40 минут (НАРТ, ф. 1339, оп. 1, д. 16, л. 9).

По ходатайству слушателей института пересматривался вопрос о минимуме экзаменов для перехода на 2 курс ввиду трудностей и отсутствия учебников: «Удовлетворить ходатайство слушателей и установить 1 предмет из 4 указанных. Постановление считать исключительным только для настоящего учебного года и не распространяется на последующие годы» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 56).

Деятельность института пришлось на трудные годы революций и Гражданской войны. Это отразилось и на повседневной жизни его студентов и преподавателей. Так, в документах за 1920 г. много справок о том, что студенты не могут учиться, так как находятся в госпитале на излечении от сыпного тифа (НАРТ, ф. 1339, оп. 2л, д. 27, л. 25). Сохранилось заявление профессора А. М. Миронова: «Не имея возможности по недостатку средств купить себе по рыночным спекулятивным ценам верхний костюм (тройку) или материалы для него, чтобы заменить старый, уже непригодный для ношения мой костюм, прошу внеплановую комиссию о выдаче мне ордера на покупку по твердым ценам материалов для пошивки мне теплого костюма-тройки крайне необходимого мне для ежедневных служебных занятий в университете и в Северо-Восточном археологическом институте» (ОРРК НБ КФУ, д. 2488, л. 151).

В трудные годы революций и Гражданской войны деятельность СВАИЭИ, с одной стороны, демонстрировала стремление к новым позитивным изменениям в расширении предметного поля вузовской археологической науки, с другой — стала для его активных деятелей своеобразным средством от социальных травм, нанесенных эпохой.

Литература и источники

- Бречкевич, 1919* — Бречкевич М. В. Северо-Восточный археологический и этнографический институт // Известия Общества археологии, истории, этнографии. Казань, 1919. Т. 30. Вып. 1.
- Бречкевич, 1920* — Бречкевич М. В. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в городе Казани. Казань, 1920. Т. I.
- Корзун, 2011* — Корзун В. П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.
- Кузьминых, Смирнов, 2015* — Кузьминых С. В., Смирнов А. С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // ПА. 2015. № 1.
- Леонтьева, 1978* — Леонтьева А. П. К истокам высшего специального образования // СЭ. 1978. № 2.
- Мельникова, 2015* — Мельникова О. М. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: опыт подготовки научных кадров для региональной археологической науки (1917–1921 гг.) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2015. Вып. 7.
- Мельникова, Романова, 2015* — Мельникова О. М., Романова Е. Н. Финно-угорские темы в деятельности Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (1917–1921 гг.) // Вестник Пермского национального исследовательского университета. Пермь, 2015. Серия «История». Вып. 4 (31).
- НАРТ. Ф. Р-1339. Северо-Восточный археологический и этнографический институт.
- Оконникова, 2002* — Оконникова Т. И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. — конец 40-х гг. XX в.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. Т. 5.
- ОРРК НБ КФУ. Д. 2488. Северо-Восточный археологический институт (разные бумаги); Д. 6451. Северо-Восточный археологический и этнографический институт.
- Репина, 2011* — Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XIX веков. Челябинск, 2011.

О. М. Мельникова

Северо-Восточный Археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)

В статье анализируются документы по истории Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани (1917–1921 гг.) из фондов Национального архива Республики Татарстан и Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского (Приволжского) Федерального университета. Рассматривается организация археологического образования, его особенности по сравнению с другими археологическими институтами страны. Показано, что открытие Северо-Восточного археологического и этнографического института было связано с необходимостью подготовки кадров археологов, этнографов, археографов для изучения многонационального региона Поволжья и Прикамья. Поэтому программы археологической подготовки студентов носили широ-

кий междисциплинарный характер, включая как собственно археологические, так и исторические, филологические, этнографические дисциплины. В условиях революционных лет и Гражданской войны люди различных образовательных, социальных статусов выражали желание получить археологическое образование. Для одних это была значимая потребность личного участия в изучении истории народов Прикамья и Поволжья, для других — стало своеобразной защитой от социальных травм, полученных в ходе преобразований общества. Социальные трансформации отразились в повседневном быте студентов и преподавателей, на организации учебной деятельности, которая не прекращалась вплоть до самого закрытия института.

O. M. Mel'nikova

North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)

This paper analyses documents concerned with the history of the North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in the city of Kazan (1917–1921). These documents belong to the collections of the National Archives of the Republic of Tatarstan and the Department of Manuscripts and Rare Books of the Kazan (Volga) Federal University. The organization of archaeological education and its peculiarities as compared with other national archaeological institutions are considered. It is demonstrated that the establishment of the North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute was called forth by the necessity of training of the personnel of archaeologists, ethnographers and archaeographers for studies of the multinational Volga and Kama region. Therefore the programmes of archae-

ological training of students were of a broad interdisciplinary character including the archaeological disciplines proper and historical, philological and ethnographical ones. In the conditions of the revolutionary years and civil war, persons of different educational and social classes desired to receive an archaeological education. For some it was an essential need for a personal participation in studies of the history of peoples of the Kama and Volga region, for others it became a peculiar protection against the social traumas suffered during the transformations of the society. The social transformations were reflected in the everyday life of the students and teachers and in the organisation of the educational activities which were not interrupted until the very closing of the institute.